

Что такое этнометодология?*

Гарольд Гарфинкель

Аннотация. «Что такое этнометодология?» — вопрос о методе обнаружения и исследования ключевой проблемы социологии: проблемы объективной реальности социального порядка. С этого вопроса начинается самый известный труд Гарольда Гарфинкеля «Studies in Ethnomethodology», положивший, как принято считать, начало этнометодологии. И этот вопрос ученый задает себе на протяжении сорока лет, вплоть до следующего программного труда — «Ethnomethodology's Program». Фрагмент из первой главы этой книги с новыми вариантами ответа на вечно живой методологический вопрос мы и предлагаем читателю.

Ключевые слова. Гарфинкель, этнометодология, социальный порядок, бессмертное обыденное общество.

Я теперь думаю об этнометодологии в связи с недавним эпизодом на ежегодном собрании Американской социологической ассоциации. Жду лифт. Дверь открывается. Вхожу внутрь. Мне задают ВОПРОС: «Гарфинкель, что такое этнометодология?» Дверь лифта закрывается. Мы поднимаемся на девятый этаж, и я успеваю сказать только: «Этнометодология разрабатывает некоторые весьма доопытные проблемы». Двери лифта открываются.

По дороге к своему номеру мне приходит в голову, что я *бы должен был* сказать, что этнометодология пересматривает дюркгеймианское переживаемое бессмертное, обыденно-упорядоченное (ordinary) общество, очевидно, делая это посредством разработки целой программы доопытных проблем. Эти проблемы имеют своим источником всемирное движение социальных наук. Они черпают свою силу из двусмысленной приверженности этого движения к стратегии и методам формального анализа, к его общему репрезентационному теоретизированию и вдохновляются его неоспоримыми достижениями.

Технология формального анализа (ФА) и ее результаты приняты повсеместно. Почти единодушно целые армии формальных аналитиков посредством несчетных аналитических искусств и наук о практическом действии, посредством формально-аналитических процедур гарантируют хорошо сделанную работу и заслуживают репутацию хороших исполнителей этой работы. Хорошо известно, что бесчисленные аналитические искусства и науки практического действия и практического смысла с их использованием технологии формального анализа и обобщающего репрезентаци-

---

* Пер. с англ. С. П. Баньковской. Источник: *Garfinkel H. (2002). What is Ethnomethodology? // Garfinkel H. Ethnomethodology's program: working out Durkheim's aphorism / ed. A. W. Rawls. Lanham: Rowman & Littlefield. P. 91–99.*

© Баньковская С. П., 2012

© Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2002

© Центр фундаментальной социологии, 2012

онного теоретизирования, с их солидным корпусом технической библиографии, выделяют и делают заученно наблюдаемой обширную область упорядоченных действий бессмертного обыденного общества. Эти действия выставлены здесь в формате необходимой аргументации как формально-аналитические детали великого текущего состояния дел в повседневной деятельности.

Бессмертное обыденное общество¹, основополагающие эмпирические феномены социального порядка, о которых писал Дюркгейм, становятся объяснимыми в качестве профессионального достижения мирового движения социальных наук с их технологией формального анализа. Таким образом, технология ФА устанавливает свое универсальное право выбирать феномены для анализа. Феномены порядка представляются направленно наблюдаемыми в формально-аналитических деталях согласованно возобновляющихся достижений практического действия. Эти действия могут представлять собой как ведение войны, так и, например, заминку перед отказом от приглашения. Феномены порядка представляются инструктированно наблюдаемыми в формально-аналитических деталях согласованно возобновляющихся достижений практического действия таким образом, что феномен, неважно какого уровня,

---

1. «Бессмертное» — это заимствование дюркгеймианской метафоры для любой наблюдаемой непосредственно локальной среды, составляющие которой выполняют некоторую человеческую работу, которая может варьировать по масштабу от приветствия, брошенного мимоходом, до пробки на автодороге и в отношении которых можно утверждать следующее: их производство обеспечено составляющими среду сторонами до подобия игры в кости. Разумеется, эта работа — не игра, тем более — не игра в кости. Только представьте себе, движение на дорогах Лос-Анджелеса. Для когорты водителей там, для данной в этот момент тусовки, это присутствие на дороге, вождение, совместное созидание транспортного потока, *каким-то образом*, гладко и незаметно, оказывается согласованным вождением в процессе живого производства именно этого, данного здесь и сейчас, потока: знакомого, обыденного, не возбуждающего интерес, наблюдаемого-изнутри-и-снаружи, непрерывно делаемого, опять и опять, и всегда в полноте деталей (что бы собой эти детали ни представляли). В этом наличном (the haecceities) «здесь и сейчас» деталей езды на машине именно этот состав [водителей] вновь и вновь делает именно то, что в согласии с простейшей компетенцией они только и *могут* делать, каждый следующий первый раз; и вот это, что они делают, и представляет собой детали именно этого транспортного потока: ТОГО самого потока, который хотя и является результатом их деяния, и находясь в потоке, они «вполне очевидно ориентированы в нем» и «видимым образом направляемы к его производству», они воспринимают эту организационную *вещь* как будто бы их деяние, их собственное деяние, но не как свое собственное, отдельное, единичное, отличное от других авторство. Более того, именно для этой когорты верно то, что после того, как они покинут шоссе, за ними придут другие, чтобы делать те же самые знакомые вещи, которые они — именно они — *именно эти из нас* — как водители будут делать это согласованно.

Бессмертное используется для того, чтобы говорить о работе людей, производимой членами локально, находящимися внутри организованных *вещей*, и они знают, что находятся внутри *этих* организованных вещей и что эти вещи были до них и будут после них. *Бессмертное* — это метафора для огромного числа повторяющихся вещей обыденного общества, наполняемых, производимых, обеспечиваемых, наблюдаемых и доступных наблюдению, локально и естественным образом объяснимых как «совпадение многих «здесь и сейчас». ЭМ делает сильный акцент на этом «бессмертном». Это повторяющаяся тема в каталоге ЭМ исследований и источник их проблематики.

становится инструктированно наблюдаемым в качестве работы того человеческого материала, который наполняет производство [этого феномена].

Человеческий материал (население) зачастую трактуется как непосредственное количество тел. Этот материал представлен в ФА в опросных особенностях количества тел и в демографических измерениях. Все это проясняется с помощью анализа переменных, квантифицированных аргументов и каузальных структур. Эти аналитические описания доступны в отношении всех изучаемых обществ — и современных, и исторических.

Программной же задачей этнометодологии является, напротив, выявление естественным образом объясняемой работы (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981; Livingston, 1987; Weinstein, 1972) по сотворению и описанию социальных фактов бессмертного обыденного общества. Эти факты — вещи из социального порядка, феномены обыденного общества, о которых писал Дюркгейм. Тогда как исследования ФА сосредотачиваются на человеческом материале, который можно опросить, этнометодология вместо этого предлагает рассматривать работу самого феномена, в которой наряду с его другими деталями проявляется и наполняющий его человеческий материал². Исследования ЭМ имеют в качестве своего источника, целей, направлений, политики, методов, наличного корпуса своих результатов, своих клиентов и своих последствий осуществляемую в мировом масштабе реальную работу по сотворению вещей, об обнаружении которых писал Дюркгейм, делая свои обнаружения объяснимо очевидными — как вещи бессмертного обыденного общества.

Разработка дюркгеймианского афоризма этнометодологическими средствами связана именно с этой работой, с тем, кто ее делает, как делает, при помощи каких библиографий, какого разнообразия аргументов, с каким средоточием, с какими последствиями, что она дает академической социологии, но более последовательно — что она дает бесчисленным аналитическим дисциплинам и наукам о практическом действии и практическом разуме. В своих основных задачах этнометодология направлена на реформирование технического разума³, а в процессе этого реформирования первостепенной задачей является рассмотрение работы социальных и естественных наук как естественно объяснимых наук практического действия и практического разума.

Вопреки общепринятым интерпретациям работы Дюркгейма, он уже в самых своих ранних произведениях полагал, что объективная реальность социальных фактов

---

2. Именно работающий транспортный поток делает наполняющих его людей «типичными» водителями, «плохими» водителями, водителями «в соседнем ряду» и все, что угодно еще, что используют демографы для учета, с тем чтобы предоставлять причинные объяснения вождению. Местное население — неизменный предмет возобновляющегося интереса этнометодологов. Для того чтобы выделить это местное население, вы начинаете с согласованных *вещей* — транспортного потока — не с отдельных [движущихся] тел. Для конверс-анализа множество вещей в разговоре, изобильно там присутствующих и находящихся под рукой, представляют говорящих как типичных, повторяющихся, делающих это вновь и вновь, одним и тем же образом и в том же составе.

3. Ср.: Agre, 1998.

обеспечивает социологии ее особый уникальный предмет⁴. Этнометодология подхватила эту почти забытую инициативу Дюркгейма. Согласно программному этнометодологическому разумению, объективная реальность социальных фактов была для Дюркгейма приемом для описания *любого* вопроса логики, смысла, разума, рационального действия, метода, истины и порядка в интеллектуальной истории, который определялся в каждом конкретном случае как постижимо эмпирический *феномен* бессмертного обыденного общества, который совместно произведен и естественно объясним, согласованно испытуем и опознаваем когортой населения, производящей локальный порядок. Таким образом, феномены порядка состоят из живых, непосредственных и неопосредуемых совместных бытований (*practices*) производить, демонстрировать, испытывать, опознавать, постигать и объяснять обыденные феномены порядка бессмертного, обыденного общества, его обыденные вещи — самые обыденные в мире вещи. Для Дюркгейма — автора этого забытого аргумента — это шло совершенно вразрез с каноническими учениями западной философии.

Основополагающей темой его книги «Элементарные формы религиозной жизни» (1912, 1915) является исследование эмпирических совместных начал, полученных «общих категорий понимания» — времени, пространства, классификации, силы, причинности и целокупности, — проводимое в глубоком русле упорядоченных аргументов с использованием этнографического материала о религиозных обычаях австралийских аборигенов.

Дюркгейм предназначал социологии как науке выполнять именно эту программу. И хотя социология еще не была тогда такой наукой, Дюркгейм полагал, что она должна быть именно такой. Если понимать этнометодологию правильно, то ее следует рассматривать под этим же углом зрения — как наследницу забытого дюркгеймианского достояния. Этнометодология разрабатывает дюркгеймианский афоризм как принципиально несопоставимую и неизбежно сопровождающую канонические учения альтернативу всемирному движению социальных наук. Эта альтернатива связана с формально-аналитическими учениями, она сопровождает их повсеместно.

В каждом конкретном случае формально-аналитической работы по созданию и описанию понятных социальных фактов неизменно присутствуют дюркгеймианские альтернативные спецификации. Таким образом, альтернативные спецификации объективной реальности социальных фактов неизбежны, неистребимы и неизменны при каждом вопросе об адекватности и очевидности.

Этнометодологическая разработка дюркгеймианского афоризма заключается в тематических обсуждениях, написании работ, демонстрациях, в исследованиях-из-первых-рук (*first-person hands-on studies*) и эмпирических исследованиях, названных учебными проблемами. Все это может быть выстроено в следующем порядке аргументации:

1) Самым первым шагом, определяющим научность социальных наук во всемирном движении социальных наук, является различение конкретности и аналитичности

---

4. См.: Rawls, 1996a, 1996b, 1997.

социального факта, которое проводится в соответствии с канонической политикой: «Во всей полноте конкретного нет порядка»⁵.

2) В противоположность этому утверждению обнаруживается огромное множество свидетельств бесконечной согласованности свойств феноменального поля дюркгеймианских вещей. Это свойства феноменального поля непризнанных дюркгеймианских вещей.

3) Свойства феноменального поля непризнанных дюркгеймианских вещей определяются эмпирически в учебных проблемах этнометодологии и в гибридных исследованиях работы.

4) Дюркгеймианские вещи из его непризнанного аргумента не поддаются объяснению в каждом конкретном случае, когда для их описания задействуются методы формально-аналитического репрезентативного теоретизирования. Что не поддается? Как оно не поддается? Все это эмпирически конституируется в «проблемах на месте» (Shop Floor Problem).

5) Праксеологическая обоснованность направляемого (instructed) действия: на рабочем месте и как рабочее место — прочтение описания как инструкции к работе, следование которой и выявляет феномен, описываемый текстом.

6) Конституирующие проблемы на месте, специфичные для рабочего места детали, собранные в совокупности, описывают работу по производству и описанию дюркгеймианских социальных фактов. Проблемы на месте и их конституирующие составляющие — это тема, открытая этнометодологией⁶.

1. Во всей полноте конкретного есть порядок

Согласно всемирному движению социальных наук, его установленному канону библиографий в конкретике вещей нет порядка (Garfinkel, 1988). Исследования, предпринимаемые в рамках движения социальных наук, совершенно очевидно не справляются с безнадежно условными и зависимыми от конкретных обстоятельств многообразными деталями повседневной жизни — со всей полнотой конкретного, с

---

5. Т. Парсонс — наиболее показательная фигура в учении о том, что политика — неотъемлемая часть *sine qua non* работы по обнаружению науки в социальных науках. См. обсуждение парсонсианского «плenums» в: Garfinkel, 1988.

6. Я признателен за обсуждение этого вопроса Ульфу Фагерквисту, Хансу Гилстрёму, Джону Даттону, Питеру Кимберу, Берил Белман и их коллегам по пятидневной конференции Мирового форума дизайна в Рокпорте в августе 1994-го. Тогда, и встречаясь с ними позже, я узнал, что они называют «проблемой в мастерской» (Shop Floor Problem). Я узнал, что этнометодологи — не единственные, кто озабочен обыденными, эмпирически локальными и специфическими, неизбежными реальными ограничениями случайной фактичности, произведенной непосредственно на месте, и эти достижения в предприятии дизайна должны производиться как упорядоченная работа на местах когортами, чья практика заключается в согласовании эмпирических совмещающихся деталей, например, «изготовление предусмотренного контрактом самолета, преодолевая непредвиденные обстоятельства»; и еще я узнал, что эти детали *каким-то образом* не поддаются объяснениям с помощью сертифицированных парадной наукой методов описания и теоретизирования.

многообразием, с полноценностью. Для преодоления этого социальные науки выработали политику и методы формального анализа. Согласно этим методам конкретные детали повседневной жизни пересматриваются в качестве деталей аналитических приемов и методов, которые обеспечивают использование этих приемов. Они пересматривают обусловленность обыденной жизни таким образом, что порядок может быть выставлен на обозрение аналитически. Это по сути своей — эмпирическая демонстрация. Детали, обнаруженные в модели, раскрывают существенные, повторяющиеся инвариантные характеристики и представляют собой феномены формально аналитического теоретизирования.

*Каталог этнометодологических изысканий*⁷ состоит из примеров противоположного характера. В самом деле, по большей части порядок *присутствует* в действиях обыденной жизни, взятых во всей их конкретности, т. е. в их неизменной процессуальной последовательности и связности упорядоченных субстантивных феноменальных деталей, не теряя при этом целостности⁸. И это очевидно.

В каждом конкретном случае бессмертное обыденное общество — это удивительный зверь. Как в каждом конкретном случае оно оказывается собранным воедино самоочевидным образом? Имеющиеся сегодня в наличии основные формально-аналитические приспособления, уделяющие пристальное внимание применению, структуре и распространению общего репрезентационного теоретизирования (например, моделей), при столь же квалифицированном техническом их применении выполняют свою работу, теряя при этом из вида сам исследуемый ими феномен.

Задействованные обыденно-конкретные организационные феномены в контексте упорядоченных в структуры феноменальных деталей — это звучит странно. Бессмертное обыденное общество — странно.

Странно? А что, собственно, здесь странного?

Представьте, что бессмертное обыденное общество самоочевидно в каждом конкретном случае, очень просто производится и очень просто опознается при помощи уникально адекватной компетенции, самой обыкновенной компетенции, всеми и

7. Каталог ЭМ Исследований, с помощью которого пересматриваются Понятия Логики, Порядка, Смысла, Метода, Разума, Структуры, Науки и Остального как Нарботки Бессмертного Обыденного Общества в Каждом Конкретном Случае. Что Мы Сделали? Что Мы Узнали? Во Введении к Каталогу вкратце аннотированы темы и проблемы, представленные в различных документах и организованные в несколько коллекций Этнометодологических исследований. Отформатированные как направленный обзор и представленные как шаги аргументации, эти исследования, собранные в нескольких томах, составляют каталог ЭМ.

8. Я использую обобщение как синекдоху для различных характеристик живых феноменов, которые собирает формально-аналитическое исследование и затем описывает их как структуры. Мы достаточно подробно рассматривали структуры в: «Восемь Случаев, Которые Определяют, Как Феноменальные Поля Обыденной Деятельности Оказываются Утраченными Из-за Инженерных Деталей Записывающих Устройств: Воздуходувки для Листьев, Аэропланы над Головой и Лающие Собаки как Случаи для Жалоб; Ритмичные Хлопки, Звонки Телефонов, Подсчет Очередностей в Разговоре, Скрепки при Очистке Раковины и Другие Тривиальные, Неизменные Специфичные и Обыденные виды Работы по Дому, Транспортный Поток, Коммуникации и Опосредованные Компьютером Занятия в Реальном Времени».

каждым. *И все же*, несмотря на все это, всем и каждому его трудно описать в процессе. Описанное в процессе, в каждом конкретном случае, оно *ускользает*. Поэтому его можно только открывать заново. Оно невообразимо. Его невозможно вообразить, но только каждый раз открывать заново, обнаруживать в каждом конкретном случае. В отсутствие этого только Бог знает, как оно оказывается собранным воедино. Еще более странно вот что: поскольку Бог безмолвствует, формальные аналитики, используя привилегию универсального наблюдателя и трансцендентального аналитика, не знаю, почему, но таки знают, что не должны молчать.

И еще странно вот что. То, как бессмертное обыденное общество собрано воедино, включает в себя и воплощенную формально-аналитическую работу, уделяющую пристальное внимание структуре и распространению общего репрезентационного теоретизирования. Нет ничего удивительного в том, что эта работа тоже является задействованной деталью в бессмертном обществе, которое она изучает и о котором учит. В движении социальных наук работа по описательному анализу прodelывается общим теоретизированием. Навыки этой работы везде сопровождаются любопытными несоответствиями. Они хорошо известны и даже открыто признаются⁹. Они заключаются в том, что из-за тех же самых процедурных навыков, которые используются для тщательного описания феномена, он оказывается потеряян.

Более того, процедура общего репрезентационного теоретизирования замещает задействованные наглядные детали бессмертного обыденного общества набором знаков. Формально-аналитическая процедура игнорирует задействованные, непосредственные, непосредственно и одновременно наблюдаемые детали бессмертного обыденного общества. И поэтому у аналитиков остается только один выход — для того чтобы поддерживать свои аналитические предприятия по тщательному описанию, способному продемонстрировать наличную совокупность их обычных действий, аналитики должны стать интерпретаторами знаков. Последовательно исполняя эту процедуру, они затем утверждают, что интерпретации неизбежны. Они говорят, что структурирование и интерпретация «индикаторов, знаков, меток и символов» — это то, что неизбежно должны делать социологи и социальные ученые, чтобы исполнять свою работу по изучению обыденного общества.

---

9. Например, в 1954 году Чикагская школа права поддержала использование секретных записей обсуждений в судейской комнате и поручила Фреду Стробеку их изучить. Эдвард Шилз, который нанимал Стробека, жаловался: «Я уверен, что, если использовать категории Бейлза, можно узнать, почему обсуждения присяжных делают их малой группой». «А как насчет того, почему их обсуждения делают их присяжными?» — спросил Стробек. «Ты задаешь неправильный вопрос». Шилз согласился. Его согласие обозначило некорректность его просьбы. Оно также обозначило и неспособность аналитической технологии всемирной социальной науки ответить на него. Спустя много лет один начинающий этнометодолог, испугавшись потерять свой аналитический стиль, знакомый по привычной ему литературе, присоединился к полку Шилза, когда усомнился в исследовании Кена Либермана, от правившегося в Непал изучать споры монахов о классических буддистских текстах. Адекватность метода ЭМ требовала, чтобы Либерман жил с ними и имел свою точку зрения в этих спорах. «Но спор и есть спор. Невелика проблема. Зачем обязательно ехать в Непал, чтобы изучать споры?» — недоумевал второй «Шилз».

Этнометодология не занимается интерпретацией знаков. Она не является предприятием по интерпретации. Задействованные локальные практики — это не тексты, которые символизируют «смыслы» или события. Они в своих деталях тождественны самим себе и не репрезентируют еще что-либо. Наблюдаемые повторяющиеся детали обыденных повседневных практик конституируют свою собственную реальность. И эта реальность изучается в непосредственных деталях, а не как некая обозначенная реальность.

2. Свойства феноменального поля

Наипервейшему правилу всемирного движения социальных наук — «Нет порядка в многообразии конкретного» — противоречит уникальная согласованность вещей бессмертного обыденного общества. Эта согласованность вещей — согласованность фигуративных свойств феноменального поля.

Набор «озвучаний» дает нам некоторые слышимые свойства феноменального поля. Та работа, которая обеспечивает согласованность феноменального поля, по большей части воспринимается как само собой разумеющееся. В обучающих примерах (проблемах, поставленных с целью обучения) фигуративная композиция вещей показана в различных упражнениях. Начнем с примера, в котором дюркгеймианская вещь представлена как простейшая работа, сопровождаемая в классическом формально-аналитическом анализе *некоторым образом*, соответственно: $(\text{ } \text{ })$ и ( ) ¹⁰. Билл Брайант показал эту пару — $(\text{ } \text{ })$ и ( ) — и их отношение к процедуре ритмических хлопков.

Представьте, что у меня есть метроном. Я выбираю темп и запускаю его. В это же время я включаю микрофон аудиометронома. К тому же я включаю еще и видеометроном, который снимает меня с метрономом, и включаю электронные часы, которые фиксируют визуально сигнал времени на видеоленте. Все записи синхронизированы. Я хлопаю в ладоши в такт метроному. Когда я хлопаю, я слышу стук метронома, я слышу его в динамиках аудиометронома, я вижу его на экране видеометронома, и я вижу себя самого, хлопающего в ладоши.

А теперь предположим, что мы играем на пианино или поем: как может метроном с его арифметическими свойствами, как может аудио- или видеозапись с ее арифметическими свойствами воссоздать живые феноменальные свойства нашего пения?

Из этого предположения мы видим, что здесь что-то не так. Если мы заняты пением или если мы играем на фортепиано, то, как нас этому учит Дэвид Судноу, мы *делаем* нужное нам время. *Делание* нужного нам времени следует сопоставлять со

10. В словаре и в синтаксисе представляющих теорем локально произведенный естественно объяснимый живой феномен порядка* передается помеченными скобками $(\text{ } \text{ })$. И хотя иногда мы оставляем помеченные скобки пустыми, т. е. ( ) , мы все же предпочитаем заполнять их текстом, т. е. $(\text{ } \text{ })$ (свободно движущаяся волна). Объяснение, предлагаемое формальным анализом (ФА), которое является репрезентацией, указывающей на живое *in vivo* достижение порядка*, показано в простых скобках, т. е. ( ) . В третьей главе представлено обширное обсуждение представляющих теорем.

временем, которое *отмечает* метроном. Метроном может налагать ограничения на *делание* нужного нам времени, *отмечая* время, которое занимает наше пение и игра на фортепиано. С этой парой мы оказываемся внутри организованной вещи: мы можем занять все время на свете для того, чтобы сыграть прелюдию.

Демонстрация Брайанта делает ритмические хлопки процедурно слышимыми в одном электронно записанном потоке как две различные человеческие музыкальные работы¹¹. Эта демонстрация позволяет изолировать различные и несоизмеримые свойства двух феноменальных потоков. С помощью демонстрации Брайанта можно *либо просто слушать, либо прислушиваться* к двум темпорально упорядоченным объектам. Будучи записанными на электронные носители, эти темпорально упорядоченные *вещи* становятся различимыми, когда их аккуратно¹² описывают как: «отмечание ритмичных хлопков» и «делание ритмичных хлопков». То, что каждая из этих *вещей* поддается аккуратному* описанию и объяснению, и есть самое главное.

В двух записанных наборах две вещи различимо слышны. Они слышны в объяснимо согласованных деталях-единого целого-и-как-единое целое *либо одной вещи, либо другой вещи*. И это несоизмеримо. Преимущества этой демонстрации заключаются в следующем: каждая вещь становится слышимой, но только если слушать и прислушиваться к каждой из них; далее, если делать каждую из них инструктивно наблюдаемой для каждого нового первого раза; и в первую очередь только в момент их непосредственного исполнения; если согласованность хлопков в каждом случае лишь локальна и имманентна месту, контингентно фактуальна.

Демонстрация Брайанта проясняет каждую вещь в *длящемся/и как длящийся* процесс квалифицированно производимых и квалифицированно наблюдаемых имманентно месту согласованных свойств феноменального поля. Для удобства обозначим «свойства феноменального поля» аббревиатурой «детали»¹³. Каждая *вещь* в ходе

---

11. См. главу четвертую для подробного рассмотрения демонстрации Брайанта.

12. Тщательное* описание, помеченное*, не означает никакого академического свойства. Я пишу «тщательное*», чтобы этим написанием обозначить то, что хочу придать самому процессу прочтения попеременно и иное качество — качество проинструктированного действия. Тщательный* отмечен звездочкой, чтобы подчеркнуть контингентную фактичность этого попеременного прочтения. Виртуальное попеременное прочтение — весьма распространенное дело. Что-то вроде актуально попеременного чтения не найдешь днем с огнем. Но оба вида чтения не исследуются никак.

13. Порой для обозначения феноменов используют знакомые названия — из обыденного наречия или техническую терминологию. Некоторые примеры из ЭМ исследований могут служить в качестве инструкций; следование инструкциям, детали, структура или звонящие телефоны. Главное здесь: их привычные названия используются нарочито *тенденциозно*. Знакомые названия употребляются с заведомо неизменной, но скрытой поправкой. Если высказывание идет с такой тенденциозной поправкой, оно пишется с пометкой звездочкой, например, детали*. Детали* с такой пометкой используются, имея в виду, что под деталями* подразумевается нечто иное и отличное от того, что мог бы или *может* предположить читатель, пользуясь множеством различных «прямых» значений этого слова в просторечии; тем самым имеют в виду, что детали* используются в таком виде как корректив к пониманию читателя. Поэтому иногда намеренно, а иногда в силу достижений предшествующих ЭМ исследований детали* (или порядок* со звездочкой, как часто бывает) используются как цель, задача, метод или результат в соответствии с политикой и методами ЭМ, как радикальная корректива; имеется в виду и то,

ее протекания — более точно, каждая вещь в ходе и как бы в ходе — слышна как состоящая из объяснимых свойств-феноменально-поля-в-целостности-и-как-бы-в-целостности этой *вещи*, четко различаемых и уникальных.

Теперь у нас есть два набора данностей «здесь и сейчас» (*haecceities*)¹⁴ рассматриваемой игры. В одном случае у нас есть *in vivo* разворачивающиеся феноменальные детали игры, локально производимый, локально объясняемый феномен порядка*, *делающий нужное нам время* — в данном случае, однако, время необходимое для попадания в ритм метронома. В другом случае мы имеем отмечение (засекание) времени, его несоразмерную ФА альтернативу. Было произведено расхождение в фигуральной композиции вещей, и, понятно, в любом другом актуальном случае эта вещь в ходе-и-как-бы-в-ходе своего протекания описана как «засекание времени» с помощью средств, методов и всего *corpus status* формального анализа.

Литература

- Agre Ph. A. (1998). Accountable artifacts: ethnomethodology and the reconstruction of computing. Доклад на ежегодной конференции Американской социологической ассоциации, Сан-Франциско, 23 августа 1998 г.
- Garfinkel H. (1988). Evidence for locally produced, naturally accountable phenomena of Order*, Logic, Reason, Meaning, Method, etc. in and as of the essential quiddity of immortal ordinary society (I of IV): an announcement of studies // *Sociological Theory*. Vol. 6. № 1. P. 103–109.
- Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. (1981). The work of a discovering science construed with materials from the optically discovered pulsar. // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 11. № 2. P. 131–158.
- Livingston E. (1987). *Making scense of ethnomethodology*. L.: Routledge & Kegan Paul.
- Quine W. V. O. (1987). *Quiddities: an intermittently philosophical dictionary*. Cambridge: Harvard University Press.

что объяснение сознательно откладывается; и будет сделано на основании дальнейших исследований; имея в виду, что объяснение последует в нужном месте и в общей аргументации, хотя и не адекватной*, особенно для отдельно взятого конкретного спора, но по мере развития аргумента в реальных исследованиях, и не в исследованиях лишь только реально, а не предположительно исполнимых, и реально, а не предположительно исполненных, читателем только лишь в реальном случае. Только лишь на этих и всецело на этих основаниях детали* (или любой другой помеченный звездочкой феномен порядка*, о котором идет речь) употребляются как радикальная корректура понимания его читателем.

14. До недавнего времени я говорил о «что-йности» (*quiddity* — от лат. *quid* — что), а не об «это-йности» (*haecceity* — от лат. *haec* — это). По невежеству я не знал, что *quiddity* делает акцент как раз на неверном значении. Когда Уиллард ван Орман Куайн опубликовал свою книгу «*Quiddities*» (Quine, 1987), было ясно, что *quiddities* не имели ничего общего с тем, что вскрыла этнометодология. Менее всего ЭМ исследования подразумевали *существенные детали*. ЭМ не интересуется существенным в каком бы то ни было смысле общих оснований, для правильного определения наделенных теми или иными качествами классов вещей. В своем корпусе [исследований] ЭМ предприятие стремится к иному, противоположному, отличному от общепринятых исследований производства порядка и неприемлемому с ними; к тому, что представляет несоизмеримо иной интерес и иное обеспечение, в отличие от того, чем *может быть* техническое производство феноменов порядка*.

- Rawls A. W.* (1996a). Durkheim's epistemology: the neglected argument. // *American Journal of Sociology*. Vol. 102. № 2. P. 430–482.
- Rawls A. W.* (1997b). Durkheim's epistemology: the initial critique, 1915–1924 // *Sociological Quarterly*. Vol. 38. № 1. P. 111–145.
- Rawls A. W.* (1997). Durkheim and pragmatism: an old twist on a contemporary debate // *Sociological Theory*. Vol. 15. № 1. P. 5–29.
- Weinstein D.* (1972). Unfinished Ph.D. dissertation. University of California, Irvine.